

**«С БОЛЬЮ В СЕРДЦЕ ВЫНУЖДЕН ДОНЕСТИ ВАМ
О НЕВОЗМОЖНОМ ПОВЕДЕНИИ гг. ОФИЦЕРОВ»:
РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА МИЛИЦИИ ВЕРХОТУРСКОГО
УЕЗДА ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ***

Данная статья предваряет публикацию рапорта начальника милиции Верхотурского уезда о пьяных дебошах и хулиганстве офицеров колчаковской армии. Публикуемый документ свидетельствует о том, что признаки морального разложения в армии адмирала Колчака появились уже в начале 1919 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Гражданская война; разложение армии Колчака; Урал; Верхотурье; милиция.

Публикуемый документ представляет интерес как ценное свидетельство о начале разложения колчаковской армии. Это рапорт, поданный 8 января 1919 г. начальником милиции Верхотурского уезда Пермской губернии на имя Главного начальника Уральского края горного инженера С. С. Постникова. Сам уездный центр — г. Верхотурье — был захвачен колчаковцами 14 октября 1918 г., но полностью территория уезда перешла под их контроль только к середине декабря. Кушвинский завод, в котором составлен рапорт, был занят белыми частями генерал-майора Г. А. Вержбицкого 3 декабря 1918 г. [Симонов, с. 366].

Зафиксированная в рапорте модель поведения колчаковских офицеров в тылу была довольно типичной. Факты хулиганских выходок офицеров неоднократно отмечались в работах советских историков. Так, А. Анишев не без иронии писал, что благодаря колчаковской диктатуре офицерство «получило возможность пить и буяннить как полагается офицерству победоносной русской армии» [Анишев, с. 238]. Не обошли вниманием эту тему и современные российские исследователи. Челябинский историк Е. В. Волков в монографии, посвященной колчаковскому офицерству, подчеркивал, что никакие меры колчаковского военного командования по борьбе с повальным пьянством и дебошами офицеров, от разжалования в рядовые до порки и расстрелов включительно, не помогли переломить

* Публикация подготовлена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН, проект «Урал в модернизационной динамике России XX века: историография и методология проблемы» № 12-Т-6-1003.

ситуацию, хотя Верховный правитель адмирал А. В. Колчак приказал доносить ему лично обо всех преступлениях, совершенных офицерами в пьяном виде [Волков, с. 257—259].

Пьянство, скандалы и дебоши офицеров отчасти были обусловлены низким качеством офицерского состава колчаковской армии. По данным Г. Х. Эйхе, к июлю 1919 г. в армии Колчака было лишь около тысячи кадровых офицеров, основную же массу (16—17 тыс. человек) составляли офицеры военного времени [Эйхе, с. 148]. Крайне отрицательную характеристику последним дал в своем дневнике военный министр колчаковского правительства барон А. П. Будберг. Он отметил, что на фронт «наряду с небольшим числом настоящих дельных офицеров прибывают толпы наружно дисциплинированной, но внутренне распущенной молодежи, очень кичащейся своими погонами и правами, но совершенно не приученной к труду и к повиновению долгу, умеющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводом и ротой в бою, на походе и в обычном обиходе. Очень много уже приучившихся к алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствие душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться панике и унынию» [Будберг, с. 234]. Таким образом, сам состав офицерского корпуса колчаковской армии, в значительной части состоявший из вчерашних прапорщиков, негативно влиял на воинскую дисциплину.

Однако необходимо отметить, что проблема пьянства и хулиганского поведения офицерства стояла не только перед колчаковским, но и перед другими белыми режимами. Широко известна приведенная в воспоминаниях генерала А. П. Богаевского характеристика, данная одному из деникинских офицеров на Кубани в феврале 1920 г.: «в бою незаменим, в тылу невыносим» [Воспоминания, с. 105]. Думается, что под эту характеристику попадала если не большая, то значительная и уж точно самая заметная для гражданского населения часть белого офицерства. Тяжелые бытовые условия службы и жестокие кровопролитные бои подталкивали многих белых офицеров снимать стресс алкоголем и кокаином, устраивать скандальные выходы во время поездок в тыл [Абинякин, с. 135—136]. Не менее важную роль играло и общее падение моральных норм, вызванное революцией [см.: Булдаков]. Философию значительной части белого офицерства в полной мере отражали слова начальника белого отряда, потребовавшего себе и подчиненным в ночь на 3 ноября 1918 г. в п. Кишки Уфимского уезда водки и девок: «Умру, так умру, но погуляю!» [цит. по: Нарский, с. 231].

Для понимания контекста описанных в публикуемом рапорте событий следует указать, что схожие проблемы испытывали и большевики.

Даже осенью 1918 г., когда большевикам удалось в целом покончить с вольницей на местах и построить централизованную систему государственного управления, подконтрольную партии, проблема повального пьянства ответственных сотрудников и руководителей всех уровней оставалась чрезвычайно острой. Приведем наиболее яркие случаи пьяных дебошей и бесчинств ответственных должностных лиц в Кушвинском заводе и других заводских поселках Гороблагодатского горного округа осенью 1918 г. Так, 21 сентября 1918 г. в Баранчинском заводе был исключен из партии и снят с занимаемой должности председатель районной страховой кассы Гороблагодатского горного округа Вяхирев — за то, что «позволил себе напиться пьяным и стрелять ночью в Баранчинском заводе» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 1, д. 10, л. 117].

27 октября 1918 г. военком 2-го Пермского пехотного полка докладывал в Уральский областной комитет партии большевиков о результатах расследования беспорядков и пьянства должностных лиц в поселке Нижне-Туринского завода Верхотурского уезда, имевших место две недели тому назад: «Дом Швецова был занят Совдепом под Военный комиссариат, причем был произведен обыск, во время обыска не был найден коньяк, который был спрятан в погребе под толстым слоем льда. Незадолго до моего приезда красноармейцами, которые находились в карауле в комиссариате, он был найден и выпит, причем при пьянстве принимали участие почти все члены исполкома, а также и военный комиссар. Пьянство окончилось многими скандалами на глазах у населения. Мы выяснили, что особенно непристойно вели себя председатель исполкома тов. Бревенников, военком Целищев, комиссар продовольствия Абакумов и несколько красноармейцев. Все эти люди производили стрельбу на улице и скандалили между собою, красноармеец Иванов буянил в доме одного гражданина, и выбил окна, и угрожал расстрелять. И очень много других безобразий» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 53].

Местные жители были настолько возмущены подобным скандальным поведением представителей власти, что один из них — фельдшер Панфил Медведев — распространил подпольную прокламацию с призывом к восстанию. Прибывшая из центра комиссия расстреляла Медведева и отстранила от должности виновных в пьянстве должностных лиц. Но кредит доверия к местной власти у населения заводского поселка был подорван. 15 ноября 1918 г. агенты ЧК Гороблагодатского горного округа Соромотин, Костицын и Берзин доносили, что «старый состав исполкома Совета (в настоящее время арестованный) не столько смотрел за делом, сколько за своими личными прихотями, а в последнее время увлекся пьянством, от этого и создалась в Н.-Туре такая неорганизованность и разруха» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 1, д. 9, л. 109—110].

29 октября 1918 г. в Кушвинском заводе Военно-полевым контролем 3-й армии были арестованы в пьяном виде местные руководящие работники Майданов и Воронов (переведены за свой проступок с ответственных должностей на техническую работу) и Могильников (исключен из партии) [ЦДООСО, ф. 4, оп. 1, д. 10, л. 34—35]. На состоявшемся 31 октября 1918 г. общем собрании коммунистов Кушвинского завода, посвященном обсуждению этого инцидента, была подвергнута критике работа местной ЧК, которая «больше занята конфискацией имущества», чем выявлением контрреволюционеров [Там же]. По решению общего собрания для усиления работы в ЧК были кооптированы три большевика. В целом, несмотря на все недостатки, ЧК последовательно и настойчиво боролась с пьянством и бесчинствами руководящих работников, невзирая на занимаемые ими должности. Например, согласно обвинительному акту ЧК Гороблагодатского горного округа от 1 ноября 1918 г. были сняты с должности и оштрафованы председатель Делового совета горы Благодати (крупнейшего месторождения железной руды рядом с Кушвинским заводом) П. И. Бартов, товарищ председателя А. Р. Шульц, член Делового совета И. С. Иванов и член Контрольного комитета Н. Б. Мужиков за то, что незаконно получили 5 фунтов спиртового лака и устроили пьяный дебош в помещении бухгалтерии и Управления горных работ округа [ЦДООСО, ф. 4, оп. 1, д. 10, л. 139].

Наряду с пьянством и аморальным поведением многих советских и партийных работников, большой импульс антибольшевистским настроениям среди гражданского населения Верхотурского уезда придавали бесчинства и реквизиции красноармейских отрядов. 23 октября 1918 г. состоялся съезд представителей Советов депутатов Гороблагодатского горного округа, на котором было объявлено, что над округом нависла угроза голода. Делегат Кушвинского совдепа Орлов доложил собравшимся, что красноармейские воинские части «производят реквизицию беспощадно, не обращая внимания ни на что и без ведома Отдела снабжения. [В] настоящее время такие ненормальности прекращены, но взять от населения уже нечего, и положение с продовольствием самое отчаянное» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 1, д. 14, л. 3]. Представитель Совета депутатов поселка Именновский Бутыгин заявил делегатам съезда, что «сводная дивизия и 1-й Уральский полк производят беспощадные реквизиции. В особенности проявил очень много жесток[ост]и командир 1-го Уральского полка Герпел. Заезжал¹ в селение, растворяют у всех ворота с пулеметом, и, угрожая расстрелом, отбирают все. При дальнейшем замедлении жители избивают[ся] плетью, что можно подтвердить актами» [Там же].

¹ Так в тексте. Следовало: *заезжая*.

Конфискации и реквизиции сопровождалась красным террором. Яркое описание последствий большевистской диктатуры в Кушвинском заводе оставил в своих воспоминания английский социалист Дж. Уорд, побывавший там весной 1919 г.: «Это место изрядно пострадало. Большевистский комиссар несомненно был анархистом, это ясно как дважды два. Вся классовая и мировоззренческая ненависть, накопившаяся за время правления Романовых, нашла выражение в поступках этого человека. Количество злобы, с которой он управлял и вел все дела, вполне соответствовало его великой цели. Последствия его политики породили, однако, результаты прямо противоположные тем, на которые он надеялся. Первое подтверждение его рвения лежало на снегу перед зданием железнодорожного правления. Огромный стальной сейф с вырванной дверью и пропавшим содержимым показывал силу принципов комиссара. Железнодорожный служащий, якобы потерявший ключи от сейфа, был брошен в находящийся неподалеку колодец, чтобы стимулировать память других владельцев сейфов; но этот служащий оказался не одинок во славе своей, т. к. несколько железнодорожников, отказавшихся помочь разграбить тот самый сейф, нашли себе водяную могилу рядом со своим начальником. В общей сложности свыше 70 человек встретили свою смерть в этом колодце, рабочие, *буржуазия* — все в одной бойне. Но большинство из них не относилось к каким-либо классам, единственное их преступление, казалось, заключалось лишь в том, что они называли себя социалистами-революционерами. Они были предметом самой жестокой ненависти со стороны большевистских лидеров» [Ward, с. 207]. По сведениям Уорда, деятельность кушвинского комиссара «за короткий срок создала значительную оппозицию большевикам среди рабочих соседних горных округов. Когда местная учительница, девушка 17 лет, нашла временную могилу в этом подобии калькутской Черной дыры, колодцы Кушвы и Нижнего Тагила стали смертоносным знаменем в глазах простого русского *мужика*» [Там же, с. 208].

Не удивительно, что значительная часть жителей Верхотурского уезда, в т. ч. рабочих Гороблагодатского горного округа, с воодушевлением ждали прихода колчаковцев, связывая с этим декларируемое белыми восстановление законности и порядка, а также улучшение снабжения продовольствием. Однако, как видно из публикуемого рапорта, этим надеждам не суждено было сбыться. На смену пьянству и дебошам комиссаров и коммунистов пришли пьянство и дебоши офицеров колчаковской армии, с той лишь разницей, что милиция зачастую боялась арестовывать последних. Корпоративная солидарность колчаковских офицеров, готовых с оружием в руках защищать от ареста милицией своих сослуживцев-буянов,

ставила милицию в тупик и де-факто выводила офицеров из-под юрисдикции общегражданских законов.

Перед пьяными хулиганами с офицерскими погонами на плечах пасовала не только колчаковская милиция, но и всесильная, казалось бы, контрразведка. Так, согласно рапорту помощника начальника Златоустовского контрразведывательного пункта прапорщика Романова, 31 мая 1919 г. корнет 13-го Оренбургского казачьего полка Самохвалов с 4 казаками 2-го Оренбургского казачьего полка устроили пьяный дебош прямо в здании Миасского контрразведывательного поста. Вломившись «в канцелярию через окно, выражаясь по адресу чинов контрразведки нецензурными словами, требовали выдачи 2 арестованных, которые были задержаны за стрельбу на улице. Самохвалов грозил, что когда придет его сотня, он всех контрразведчиков перепорет. Затем офицер и казаки стали пить водку и играть на гармонии» [РГВА, ф. 40 326, оп. 1, д. 1 Б, л. 360]. Одному из контрразведчиков удалось бежать из помещения за подмогой, и дебоширы были арестованы, но весьма характерно, что начальник миасского гарнизона во избежание эксцессов не отдал их под суд, а отправил назад в свои части. Сталкиваясь с подобной корпоративной сплоченностью армейских низов, самые суровые приказы верхушки колчаковской армии о борьбе с пьянством, дебошами и грабежами теряли силу действия. Неспособность новой власти побороть старые пороки и навести порядок в полной мере дискредитировали ее в глазах населения.

Положение с доставкой продовольствия в Гороблагодатский горный округ при белых несколько улучшилось, но вместо красного террора начался белый террор, который в отдельных населенных пунктах Верхотурского уезда принял значительные масштабы. Особенно не повезло в этом отношении Кушвинскому заводу. В феврале 1919 г. комендантом Нижнетагильского и Кушвинского районов поручиком В. М. Зотовым по распоряжению командования Сибирской армии было проведено резонансное служебное расследование деятельности военной комендатуры и военно-следственной комиссии Кушвинского завода, которое выявило массу грубых злоупотреблений. Оказалось, что всего за три месяца представителями военных властей без каких-либо доказательств, просто на основании подозрения в принадлежности к большевикам, было расстреляно 80 местных жителей. Как отмечалось в материалах расследования, Кушвинская военно-следственная комиссия и ее председатель штабс-капитан Суворов «терроризировали население... и давали повод к подпольной работе большевиков». Работу комиссии сопровождали «пьянство, порки, мордобитие и многие другие выходки, не соответствующие званию офицера, применяемые в самых широких масштабах» [цит. по: Кашин, с. 54]. Комендант

Кушвинского завода штабс-капитан Путилин был задержан в Алапаевске с пятью вагонами незаконно конфискованного у населения имущества [Там же, с. 62]. Комендатура и военно-следственная комиссия были сформированы, а проштрафившихся офицеров, работавших в них, для искупления вины отправили на фронт. Таким образом им удалось избежать серьезного наказания.

Среди колчаковцев были здравомыслящие люди, которые понимали всю опасность падения воинской дисциплины. 25 апреля 1919 г. офицер Г. Литвиненко с тревогой писал в частном письме министру труда колчаковского правительства Л. И. Шумиловскому: «Наши полки в начале своих походов были по отношению своему к мирному населению почти идеальным войском: они чрезвычайно бережно относились ко всем болям и нуждам крестьян, никогда ничего не брали даром и, действительно, являлись для крестьян настоящими избавителями. Войска как будто подчеркивали противоположность свою красноармейской разнузданной банде. Но с течением времени мы стали терять все эти спасительные качества» [Сочувствие, с. 16—17]. По мнению Литвиненко, сочувствие гражданского населения было главным преимуществом белых над красными в Гражданской войне, но оно неуклонно таяло. Литвиненко опасался развала колчаковской армии и полного краха белого дела в случае потери доверия населения. Однако, как показали последующие события, письмо Литвиненко не только осталось гласом вопиющего в пустыне, но и запоздало: уже вскоре на фронте произошла военная катастрофа, а тыл был охвачен огнем восстаний.

Еще раньше, чем Литвиненко, в самом начале апреля 1919 г., Главный начальник Уральского края инженер С. С. Постников также почувствовал надвигающийся крах — и подал в отставку. Весьма показателен путь, который он прошел. Если в начале января Постников с сомнением отнесся к жалобе начальника Верхотурской уездной милиции на поведение и действия офицеров колчаковской армии, то к апрелю Постников уже сам жаловался центральной власти на самоуправство и бесчинства военных. Мотивируя свое решение, Постников в письме колчаковскому правительству с горечью констатировал, что «с восстановлением ст. 91 Устава о полевом управлении войск военные власти, от самых старших до самых младших, распоряжаются в гражданских делах, минуя гражданскую непосредственную власть. Незаконность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных “при побеге”, аресты по доносам, предание гражданских дел военным властям, преследование по кляузам и проишкам, когда это проявляется на гражданском населении — начальник края может быть только свидетелем происходящего. Мне не-

известно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном, а гражданских лиц сажают в тюрьму по одному наговору» [см.: Гинс, с. 340].

В конечном счете доверие гражданского населения к белым было окончательно подорвано, что привело к внутреннему разложению, деморализации и разгрому колчаковской армии летом 1919 г. и паническому бегству ее с Урала. 4 августа 1919 г. военный министр колчаковского правительства барон А. П. Будберг, размышляя о поражениях под Челябинском и оставлении всего Урала, записал в своем дневнике: «Год тому назад население видело в нас избавителей от тяжкого комиссарского плена, а ныне оно нас ненавидит так же, как ненавидело комиссаров, если не больше; и, что еще хуже ненависти, оно нам уже не верит, от нас не ждет ничего доброго» [см.: Будберг, с. 213].

Публикуемый документ подготовлен к печати в соответствии с общепринятыми правилами издания исторических документов. Текст передан с сохранением стилистических и языковых особенностей, пунктуация приведена в соответствие с современными нормами русского языка, документу дан заголовок.

РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА ВЕРХОТУРСКОЙ УЕЗДНОЙ
МИЛИЦИИ ГЛАВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ УРАЛЬСКОГО
КРАЯ С. С. ПОСТНИКОВУ О ПЬЯНЫХ ДЕБОШАХ
И ХУЛИГАНСТВЕ ОФИЦЕРОВ КОЛЧАКОВСКОЙ АРМИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА
ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

8 января 1919 г.

Кушвинский завод

№ 135

Из побуждений долга службы, под влиянием целого ряда возмутительных фактов, я с болью в сердце вынужден донести Вам о невозможном поведении гг. офицеров в пределах Верхотурского уезда, большая часть которых крайне невоспитанна, бестактна и пьяна...

Не имея чувства меры, они с чисто хлестаковской отважностью лгут, превышают власть, допускают скандалы как в частных домах, так и в общественных местах, не исключая и улиц.

Законная борьба с дикими и часто преступными выходками этих господ при том низком качестве комендатуры, какова она на местах

в данное время, немыслима, т. к. извращенное бульварными романами понятие о чести мундира и офицерской непогрешимости при наличии оружия угрожает жизни тех, кто осмеливается указать на соответствующие рамки. Почему я почтительнейше прошу Вас, г. Начальник края, во-первых, издать соответствующий приказ о тех мерах, которые должны приниматься милицией по отношению к подобного рода господам, и, во-вторых, разъяснить гг. офицерам пределы их власти на основании существующих законов.

Начальник Верхотурской уездной милиции [*подпись неразборчива*]

Резолюция Главного начальника Уральского края
С. С. Постникова от 12.01.1919.

- 1) *затребовать конкретные факты вместо огульных обвинений;*
- 2) *доложить г. Помощнику Начальника края*
[полковнику С. А. Домонтовичу].

[ГАСО, ф. Р-1956, оп. 1. д. 36. л. 293] Подлинник. Машинопись.

Абиякин Р. М. Офицерский корпус Добровольской армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917—1920 гг. Орел, 2005.

Анишев А. Очерки истории гражданской войны (1917—1920 гг.) Л., 1925.

Будберг А. П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. М., 2001.

Булдаков В. П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001.

Воспоминания генерала А. П. Богаевского. 1918 год. «Ледяной поход». Нью-Йорк, 1963.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М., 2013.

ГАСО. Ф. Р-1956.

Кашин В. В. На службе у государства. Органы государственной безопасности города Нижний Тагил: люди, судьбы, факты. Нижний Тагил, 2008.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. РГВА. Ф. 40 326.

Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.

«Сочувствие на нашей стороне...» / Публикация Н. И. Дмитриева // Родина. 1990. № 10. С. 16—17.

ЦДООСО. Ф. 4.

Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966.

Ward J. With the “Die-Hards” in Siberia. London, 1920.